

мировая экономика

Игорь Бощенко
**Разглядеть за
экономическими
деревьями лес** стр 6

потерянный разум

Сергей Черняховский
**Учеба по
совместительству** стр 8

Точка ру

ПОНЯТЬ ПРОШЛОЕ, ОСМЫСЛИТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ПЛАНИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ ...

№5(29)
2009

анализ ситуации

Александр Степанов, Ольга Козырева

Две экономики России

В нашей предыдущей статье («Время власти», вып. 27) мы рассматривали интенсификацию и перераспределение в традиционных обществах. Отмечая традиционные общества как пережиток прошлого, либеральные экономисты утверждают, что лучшая интенсификация — максимизация прибыли. Стремление бизнеса к максимуму прибыли, по их

уверениям, гарантирует наиболее эффективное использование ресурсов, рабочей силы, создание и освоение новых технологий и наилучшее удовлетворение потребностей.

Тем не менее, на опыте нашей страны мы видим, что в результате самоустранения государства от интенсификации производства оно резко сократилось и уже неспособно нести на-

грузки, которые несло в советское время (см. Кара-Мурза С., Батчиков С., Глазьев С. «Куда идёт Россия. Белая книга реформ», 2008 г.). Утрачено большинство современных технологий, а бывшие специалисты давно растеряли свои знания и навыки.

Почему же это произошло?

стр 4

манипуляция сознанием

Элеонора Головина
**Экспертиза — дело
серьёзное**

К судебным, техническим, научным и другим экспертизам прибегают для того, чтобы получить объективное мнение независимого и компетентного специалиста. Согласно действующему законодательству, эксперты письменно предупреждаются об ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

стр 3

реанимация истории

Виктор Кожемяко
**Противостояние
вокруг царя**

Трагедия 17 июня 1918 года в Екатеринбурге, где была расстреляна семья последнего русского царя, стала за годы перестройки и реформ поводом для колоссальных политических спекуляций. О ней вспоминают при каждой очередной вспышке антикоммунистической истерии. А если кто-то вновь кричит о сносе ленинского Мавзолея, то, конечно, екатеринбургские события выдвигаются как один из главных пунктов обвинения против вождя большевиков.

стр 7

образование

Андрей Фурсов

«Болонский процесс» — новое оружие сильных против слабых? - 2 ч.

Болонский процесс (БП) более всего выгоден «университетской бюрократии», содержательно не связанной ни с образованием, ни с наукой, и среднему преподавателю.

Во-первых, БП ведёт к численному росту универ-

ситетских администраций: добавляются эксперты по баллам (т.е. по уравниванию кредитов из глубинки с таковыми из центральных вузов), советники и консультанты по различным проблемам, возникающим из-за несуразностей «бо-

лонской системы», — и чем больше несуразностей, тем больше потребность в консультантах, эксперты по непрерывному и дистанционному образованию, и, наконец, эксперты по аттестации преподавателей на предмет их соответствия БП. Иными

словами, БП — это новая зона роста для университетского чиновничества, именно поэтому оно так и поддерживает его. Но дело не только в количестве, но и в качестве.

стр 2

Информацию о подписке и распространении можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru или по эл. почте redaktor@rossii.ru

Андрей Фурсов

«Болонский процесс» – новое оружие сильных против слабых?

Продолжение. Начало в № 28.

Во-вторых, БП резко усиливает власть университетской администрации (т.е. функциональных аспектов образования) над профессорско-преподавательским составом (т.е. над содержательным аспектом). Усиление этой власти реализуется как курс на уменьшение власти учёных советов и коллективов преподавателей в пользу административных структур университетов. Кроме того, БП предполагает постоянные ператтестации преподавателей — так якобы повышается их профессиональный уровень.

В-третьих, именно малотворческий, ориентированный на формальное преподавание и бюрократические отчёты преподаватель, работающий только по спущенной сверху тупой схеме, оказывается на коне. Требования БП становятся удавкой, которую администрация накидывает на шею профессуре: её требования резко ограничивают свободу действий преподавателя и его способность сопротивляться имманентному для БП снижению уровня образования.

Кроме того, если нормальный преподаватель руководствуется соображениями образования, «идеализмом дела», то администрация руководствуется, прежде всего, рыночными императивами (прибыль, деньги), которые постепенно вытесняют все остальные. Если учесть, что БП ориентирует университетскую бюрократию на наднациональный, транснациональный уровень, то понятно, что эта бюрократия, во-первых, обретает транснациональный («болонский») характер; во-вторых, превращается в «образовательный» сегмент транснациональной корпоративности, главная цель которой — превратить планету Земля в глобальный унифицированный рынок товаров и услуг, лишённый какой бы то ни было национальной и/или локальной специфики, а поскольку эта последняя тесно связана с содержанием, то устраняется и содержание, оно подменяется формой, функцией, его качество падает и ограничивается очень небольшим процентом населения, становится его монопольным владением подобно земле у феодалов или капиталу у капиталистов.

Один из характерных для БП путей вымывания содержания — курс на междисциплинарность как чуть ли не главное направление. Цель вроде бы бесспорная — конвенциональная наука в своё время воздвигла непроходимые высоченные стены между ставшими классикой дисциплинами. Одно из направлений БП — устранение этих стен в образовательном процессе, акцент на

междисциплинарность. И вот здесь таится опасность: разумеется, стены не должны быть ни слишком высокими — нужен взгляд с высоты, ни непроходимыми — нужен сравнительный анализ, однако стены должны быть; их устранение упраздняет дисциплину, делает ненужным междисциплинарный анализ, а само образовательное (и научное) поле превращает в кашу.

Поскольку в условиях «болонской» самоокупаемости университеты вынуждены выбирать, они часто отдают предпочтение междисциплинарным курсам («инновация»!), избавляясь от традиционных дисциплин или в лучшем случае превращая их в «некредитоспособный факультатив» (нередко это делают под знаменем «борьбы против узкой специализации»). Это может выглядеть достижением, если не обращать внимания на содержательные параметры процесса. Анализируя динамику таких элементарных, казалось бы, показателей, как число преподавателей и студентов на разных учебных специальностях, а также специальности президентов французских университетов, Шарль Сулье обнаружил, что за фасадом модернизации университетского образования происходит разрушение его научного ядра. За годы реформ по мере роста общего числа студентов исследовательские специальности становятся пустующими нишами, которые — в условиях всё той же самоокупаемости — «междисциплинарная» университетская администрация готова ликвидировать как нерентабельные — по сути, речь идёт об уничтожении университетского образования в точном смысле этого слова.

Помимо отмеченного А. Бикбовым образовательного аспекта наступления междисциплинарности, есть и собственно научный, который усиливается тем, что именно в университеты смещается центр научной деятельности в Европе.

Суть в том, что у междисциплинарного подхода есть два ограничения, которые чётко очерчивают поле его применимости и за пределами которых он не только не эффективен, но порой контрпродуктивен. Во-первых, в любых междисциплинарных исследованиях всегда одна дисциплина, её подходы и методы являются ведущими, т.е. мы всё равно имеем дело с дисциплинами, ограничивающими междисциплинарность. Во-вторых, междисциплинарные исследования того или иного объекта конституируют не некую целостность (таковой может быть только новая дисциплина), а сумму. Как известно, из тысячи джонок не сделать одного броненосца. Междисциплинарные методы хороши для описания, для

сравнения, для анализа отдельных элементов или даже их совокупностей, но они не годятся для решения задач целостного анализа, для анализа системы в целом, т.е. у междисциплинарности ограниченное поле применения, и к тому же работает она только в системе традиционных дисциплин. Междисциплинарность без дисциплин — это «хлопок одной ладонью».

В-третьих, изменения социальной реальности, ослабление одних сфер (гражданское общество, политика) и слоёв (средний слой), возникновение других, идеологические изменения и т.п. — требуют создания новых дисциплин (мир-системный анализ, оксидентализм, россиеведение и т.д.) как направлений фундаментальных исследований в университете. Однако, учитывая нетрадиционную академическую ориентацию «болонского университета» и приоритет, отдаваемый им высокорентабельным «образовательным услугам», ни о каком серьёзном развитии фундаментальной науки, в частности, разработке новых дисциплин, речи быть не может. «Болонский университет» не только выступает терминатором университета, но и блокирует фундаментальные исследования, т.е. происходит закупорка интеллектуальных сосудов европейской цивилизации. Это позволяет говорить об антиевропейском и антицивилизационном характере БП.

Что делать? Самое простое — саботировать БП, тем более что, во-первых, включение в него не является законом, исполнение которого обязательно; во-вторых, имеющиеся в текстах «творцов» БП характерные слова и словосочетания вроде «свобода», «разнообразие», «специфика», которые надо «поощрять», оставляют пространство для манёвра и использования против БП его же

элементов — «Ступай, отравленная сталь, по назначению». Однако всё это на уровне тактики. На уровне стратегии необходимы две вещи. Первое (интеллектуальный уровень) — выявление связей БП с определёнными социальными интересами, придание максимальной публичности полученным результатам и фиксация социальных интересов, препятствующих БП.

Второе (социально-политический уровень) — социальное и политическое сопротивление разрушению европейской цивилизации в области образования.

Ну и естественно, разработка новой модели образования и науки, которая будет работать на интересы не узкой группы транснациональной корпоративности, а широкого слоя тех, кто хочет получить качественное образование, понимая, что знание — это сила. Разумеется, сказать всё это значительно легче, чем сделать, поскольку «сделать» означает социальную борьбу в сфере образования, которая становится одной из главных арен борьбы за то, каким будет завтрашний мир, мир наших детей и внуков. Но без борьбы нет побед.

И чтобы закончить на чешской ноте — аллюзия с гашековским «Бравым солдатом Швейком», где один из героев обращается к строю солдат: «Помните, скоты, что вы люди». Я хочу закончить своё выступление обращением к коллегам: «Давайте помнить, что мы — учёные, субъекты познания и образования, а не агенты рынка образовательных услуг, не его коммивояжёры и маркитанты».

www.rus-obr.ru

Книга Сергея Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием»

Содержание. В публицистическом очерке С. Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» рассказывается о формах и методах «манипуляции сознанием». Под этим термином автор понимает программирование мнений и устремлений отдельных лиц и масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции. Подробно описываются предпосылки манипуляции и мифы об-

щественного сознания, воздействующие на восприятие реальности индивидами.

Большое внимание уделяется влиянию общественных институтов, массовой культуры, а также средств массовой информации на формирование манипулятивной семантики и риторики — одним из инструментов манипуляции сознанием. Другие примеры манипулятивных техник воздействия включают: сознание советского человека, «мягкие» чёрные мифы о со-

ветском строе, а также метафоры и стереотипы перестройки и государственного переворота августа 1991 года.

По мнению автора, человечество стоит на пороге создания такого типа общественного жизнеустройства, где главным и почти тотальным средством господства станет манипуляция сознанием. Главная цель книги — дать материал для того, чтобы каждый мог подумать о том выборе жизнеустройства, которое его ожидает.

Спрашивайте книгу в книжных магазинах вашего города. Книгу можно заказать в интернет-магазине «Политкнига», оформив заявку на сайте www.politkniga.ru или по телефону 8 (495) 543-87-93 или 8 (495) 405-78-02

Элеонора Головина

Экспертиза – дело серьёзное

Представленный кировской общественности текст, названный "Историческая экспертиза по вопросу о возвращении городу Кирову его исторического названия" и подписанный директором Института российской истории РАН А.Н. Сахаровым, не соответствует требованиям, предъявляемым к экспертным заключениям, ни по форме, ни по содержанию.

Начнем с того, что Владимир Лавров, автор данного "экспертного заключения", приехавший в Киров "презентовать результаты своих исследований", не имеет права участвовать в экспертизе по причине своей заведомой необъективности. С его давно уже сформированным, откровенно и категорично выраженным желанием переименовать наш город мы познакомились ещё в мае 2007 года, во время визита в Киров В. Лаврова и его коллеги по проекту "Возвращение" Ю. Бондаренко, который широко освещался местными СМИ.

Известна переименовательская активность Лаврова и в масштабах страны. В июле 2007 года он, например, участвовал в молебне-митинге у храма Всех Святых, где выдвигал требование переименовать станцию метро "Войковская" и Ленинградское шоссе, а также удалить звёзды с Кремля и снести Мавзолей. Цель данных деяний историк Лавров обозначил как "изгнание бесов". Газета "Время новостей" при этом не преминула напомнить, что в недавнем прошлом учёный бесборец "не

только не оспаривал историческую роль вождя мирового пролетариата", но и был одним из его биографов.

Закон также запрещает контакты эксперта с заинтересованными в результатах экспертизы лицами, а господин Лавров официально включён в число гостей Вятской епархии на Великолукские торжества 5-6 июня.

В тексте, названном исторической экспертизой, не сформулирована задача эксперта, что делает результаты "исследования" беспредметными и бессмысленными. Формулировка "историческая экспертиза по вопросу о возвращении городу Кирову его исторического названия" не содержит вопроса, на который следует ответить специалисту. Не назван и альтернативный топоним (Вятка? Хлынов?). Зато наличествуют подсказки ("возвращение" и "исторического"), не оставляющие сомнения относительно предпочтительного заказчика.

"Исследовательская" часть экспертизы представляет собой, во-первых, тенденциозное изложение во многом недоказуемых на сегодня событий древней вятской истории, тогда как эксперт вправе оперировать только бесспорными, проверенными и доказанными фактами. Достоверно лишь то, что город Хлынов впервые упоминается в летописи в 1457 году, всё остальное – ненаучные фантазии, неподобающие для эксперта.

Во-вторых, около половины тек-

ста посвящено обличению С. М. Кирова и его революционных соратников, что неуместно как в любой экспертизе в принципе, так и в данной конкретной. Обсуждать личность Сергея Мироновича и весомость его заслуг или прегрешений имело смысл в 1934 году. За 75 лет своего существования топоним "Киров" врос в местную историю и вполне успешно функционирует независимо от факта своего идеологического происхождения, как тысячи географических имён во всём мире, обособившихся в этом качестве от своих исходных первооснов. Известный писатель и опытный учёный-топонимист Лев Успенский справедливо утверждает: "В топонимике есть своё право давности: имя, прожившее полвека, вполне приравнивается в сознании народа к тому, которое существует пять веков. Ещё раз распереименовывать такие города явно недопустимо" ("За языком до Киева (загадки топонимики)").

В-третьих, не дело эксперта пускаться в общие рассуждения о явлениях и событиях, не имеющих прямого отношения к теме, оценивать "вклад в развитие общественной жизни, науки и культуры" знаменитых людей, перечислять закрытые и снесённые после революции церкви, выносить приговоры местным народным промыслам, которые якобы "утратили естественную идентификацию с топонимикой региона", и городу Кирову, который якобы "почти утратил свою исто-

рико-культурную уникальность".

В-четвёртых, неудовлетворителен справочный аппарат документа. Это псевдонаучный антураж из так называемых "глухих ссылок" на опубликованные издания. Они не соотнесены ни с конкретными цитатами, ни с отсылками к определённой странице печатного источника и в лучшем случае бесполезны.

В-пятых, в экспертном заключении недопустимы голословные заявления, ошибки ("Болгария" вместо "Булгария"), нестыковки (утверждение, что город был основан в 1181 году – и празднование его 635-летия в 2009-ом), двусмысленности (например, утверждение, что "название "Вятка" является первоначальным"; если речь о реке, никто спорить не будет), стилистическая безупречность и т.п.

Таким образом, экспертизой **неправомерно названо частное, субъективное, ангажированное и недостаточно компетентное мнение**, к сожалению, растиражированное, хотя и фрагментарно, местными СМИ. Что касается сенсационных утверждений типа "РАН выступила за Вятку" (заголовок в "Источнике новостей" 5.06.09), то это явное преувеличение. Президенту РАН академику Юрию Осипову знакомство с недоброкачественным продуктом, презентуемым от имени его высокого научного учреждения, ещё только предстоит, причём с комментариями кировчан.

Элеонора Головина.

Скриншот с сайта правительства Кировской области. Ссылка на страницу: http://www.ako.kirov.ru/news/detail.php?ID=13358&phrase_id=552325

Правительство Кировской области

Произведена историческая экспертиза по вопросу о возвращении городу Кирову его исторического названия

28 мая 2009

Институт истории Российской академии наук провел историческую экспертизу по вопросу о возвращении г. Кирову его исторического названия.

Инициатором экспертизы стала сформированная в Кировской области в феврале 2009 года рабочая группа по изучению общественного мнения по вопросу о возвращении г. Кирову его исторического названия. За это время состоялось четыре заседания группы, на которых проанализированы обращения граждан, заслушан ряд руководителей организаций и предприятий.

В мае в адрес заместителя Председателя Правительства Кировской области, председателя рабочей группы А.А. Галицкого поступили результаты исторической экспертизы. Ниже приводится ее полный текст.

«Историческая экспертиза по вопросу о возвращении городу Кирову его исторического названия, проведенная Институтом Российской истории РАН.

Город Вятка (современное название «Киров») входит в число древнейших городов северо-восточной части Европейской России. В общероссийских летописях (Троицкая, Воскресенская и др.) название «Вятка» впервые упоминается в 1374 г. в связи с походом новгородских удельников на Волжскую Болгарию.

Согласно летописным источникам - «Сказанию о вятчанех», «Летописцу старех лет» и «Повести о стране Вятской», первые русские поселения на Вятской земле были основаны в 1181 г. новгородцами. К числу их принадлежит и город Вятка, что подтверждается данными археологических изысканий (см. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV ввхх. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Иванов, 2006).

Название «Вятка» является первоначальным. После возведения в 1457 г. городских укреплений - Кремля - за главным городом Вятской земли закрепилось название «Хлынов». Но название «Вятка» не исчезло и все это время бытовало в качестве неофициального названия города. В 1780 г. императрица Екатерина II своим указом восстановила историческое название города и утвердила Вятку центром обширной губернии.

3 декабря 1914 г. Постановлением ВЦИК Вятка переименована в город Киров. Причем в Постановлении Вятка названа «родной Сергей Мироновича Киров». Однако это не соответствует действительности - С.М. Костриков (Киров) родился 15 марта 1856 г. в городе Уржум Вятской губернии.

Родители Сергея приехали в Вятскую губернию из Пермской перед его рождением. С 1856 по 1901 гг. Сергей Костриков жил в Уржуме. Осенью 1901 г. пятнадцатилетний Сергей уехал в Казань и в Уржум никогда не возвращался. А в Вятке С.М. Костриков (Киров) вообще никогда не был и ни разу не упоминал в своих выступлениях и работах, т.е. его революционная и политическая деятельность не связана с Вяткой. Переименование Вятки в Киров не имело оснований в истории и культуре города.

Причем переименование способствовало ускоренному уничтожению наиболее ценных памятников духовного и культурного наследия многовековой Вятки - уже в январе 1935 г. утвержден новый генеральный план г. Кирова, в соответствии с которым в его центральной части и течение всего трех лет закрыты и снесены Свято-Троицкий кафедральный собор (1762 года), Воскресенский собор (1709 г.), Боголюбский собор (1709 г.), Покровская церковь (1710 г.), Владимир-Богородицкая церковь (1718 г.) и Александр-Невский собор, построенный в 1839-1864 гг. по проекту А.Л. Витберга. При этом в ходе политических репрессий арестованы и расстреляны многие из в чем не виновные горожане, в том числе управляющий Вятской епархией архиепископ Кировский и Слободский Каприян (Комаровский), после расстрела которого в 1937 г. Кировская (Вятская) епархия перестала существовать. Также были закрыты мусульманская мечеть и старообрядческая молельня, их служители репрессированы. В результате беспрецедентных гонений к началу Великой Отечественной войны в черте г. Кирова не осталось ни одного действующего храма. Коммунистические репрессии имели общегосударственный масштаб, однако в городе, которому присвоили имя коммунистического руководителя Кирова, погибшего якобы от рук членов «троцкистско-бухаринской банда», обвиняли в принадлежности к этой «банде» предьявлялись с особым рвением.

В результате переименования наиболее самобытные и яркие явления вятской культуры (такие, например, как Дымковский игрушка или сало-промысел) утратили естественную идентификацию с топонимикой региона и областного центра, а сам он почти утратил свою историко-культурную уникальность, оказался в ряду многих населенных пунктов, названных в честь С.М. Кирова.

Кроме того, сам С.М. Киров соучаствовал в красном терроре в Армении и Азербайджане, в жестоком раскулачивании трудового крестьянства на Северо-Западе РСФСР и в массовых репрессиях против них в чем не виновных жителей Ленинграда. С.М. Киров соучаствовал в репрессиях против выдающийся ученых Академии наук СССР. До последнего визита Киров оставался сталинистом, отрицающим общечеловеческую нравственность и ненавидящим демократию.

С.М. Киров боролся за те идеологические предположения, которые к исходу XX века показали свою цивилизационную несостоятельность, утопичность и были отвергнуты народом России. Поэтому сохранение в демократической России XXI века его имени и названия города является явным анахронизмом.

Из всех же наименований города наиболее устойчивым в историческом пространстве следует принять название «Вятка».

Во-первых, топоним «Вятка» является наиболее ранним, зафиксированным в летописных документах названием одного из крупных центров северо-востока Европейской России.

Во-вторых, название «Вятка» сохранилось как географическое понятие и в период существования города Хлынова (см. Летописец старех лет // Труды Вятской уч. арх. комиссии. Вып. IV. Вятка, 1901; Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881), и - с 1934 г., когда город получил название «Киров» (Географический энциклопедический словарь. Географические названия. М., 1986; и др.).

В-третьих, история Вятки отражала важнейшие этапы духовно-нравственного и культурного, социально-экономического и политического становления города и России в целом, связанные с проведением преобразований Екатерины II, великих реформ Александра II, с революционными событиями начала XX в. (см. Столетие Вятской губернии 1780 - 1880. Сб. материалов к истории Вятского края. Т. 1 - 2. Вятка, 1880; Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958; Зымауский А. В. История Вятского края в XII - середине XIX вв. Киров, 1996).

В-четвертых, с историей Вятки неразрывно связана деятельность людей, внесших выдающийся вклад в развитие общественной жизни, науки и культуры всей страны (А.И. Герцен, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.С. Грим, К.Э. Циолковский, А.А. Спицын, В.М. Вехтерев и др.).

В-пятых, понятие «Вятка» имеет широкое распространение в современном лексиконе - используется в наименованиях местных организаций и учреждений (Вятская торгово-промышленная палата, Вятский государственный университет, Вятский государственный гуманитарный университет, Вятская государственная сельскохозяйственная академия и т.д.), периодики («Вятский край», «Вятский епархиальный вестник», «Вятская речь», «Вятский наблюдатель»), звучит в названиях научных и литературных сочинений (Энциклопедия земли Вятской. Т. 1-10. Киров, 1994 - 2008; и др.).

Учитывая вышесказанное, считаем исторически целесообразным возвращение городу Кирову его названия «Вятка» как первоначального и самого устойчивого в традиционной российской культуре.»

Пресс-центр Правительства Кировской области

Александр Степанов, Ольга Козырева

Две экономики России

Давайте пристальнее взглянем на рыночную модель общества. Что такое рынок? Рынок — это обмен, свободный от моральных обязательств. На рынке продается и покупается все, что пользуется спросом. В том числе, и труд. Вернее, рабочая сила. Бизнесмен покупает рабочую силу, когда она ему выгодна, и увольняет, когда она невыгодна. Действительно, ведь основная цель бизнеса — прибыль.

Альтернативой рыночной модели является рассмотренное нами в предыдущей статье семейное хозяйство. В нем все члены семьи спаяны моральными обязательствами: сына нельзя выбросить на улицу, даже если из-за него прибыль меньше. Все работники в семье трудятся, а все члены семьи получают свою долю от выработанной продукции.

Изучая такое семейное крестьянское хозяйство, выдающийся русский экономист А.В. Чаянов создал теорию некапиталистической экономики. Построим модель, иллюстрирующую некоторые его выводы.

Рассмотрим вначале хозяйство, которое имеет один гектар земли. Продуктивность этого гектара не является постоянной. Она зависит от количества вложенного труда. Если земли много, сеют овес, требующий небольших трудозатрат. Если земли меньше, сажают картошку — более трудоемкую, но и более продуктивную культуру. Если земли совсем мало, сажают лен и используют избыток рабочей силы в хозяйстве для первичной переработки этой технической культуры. Рост производительности гектара нелинейен. Каждый дополнительный работник дает меньшую прибавку продукта. Производительность труда снижается. Построим график зависимости произведенного продукта от количества работников.

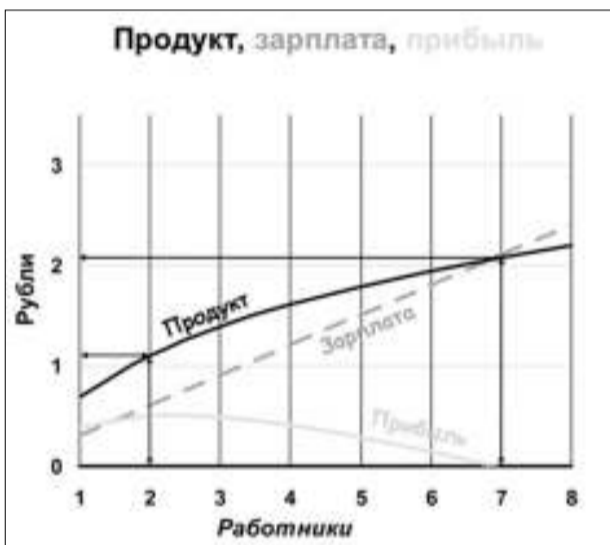

Рис.1 График зависимости произведенного продукта от количества работников на 1 гектаре земли

Расходы на содержание работников растут линейно. Два человека едят вдвое больше, чем один. Будем считать, что каждому из работников полагается физиологический минимум, необходимый для выживания. Если работнику будет выделяться меньше физиологического минимума, он просто умрет с голоду. Если же работнику будет выделяться больше, то наши выводы от этого не пострадают, наоборот, будут даже более верны. Назовем расходы на каждого работника зарплатой, хотя это, конечно, не совсем корректно: в семейном хозяйстве зарплаты нет, произведенная продукция распределяется по едокам.

Для нас важно, что при определенном количестве работников прямая зарплата пересечется с кривой продукта. Иными словами, работники съедят все, что произведут. В нашей модели это случается, когда на гектаре занято семь работников. Это предел. Больше людей этот гектар не прокормит.

А теперь рассмотрим капиталистическое хозяйство на том же гектаре земли. Предпринимателю необходимо получить максимальную прибыль. Тогда чтобы рассчитать прибыль, надо из стоимости продукта вычесть зарплату. С увеличением количества работников прибыль растет, проходит через максимум и начинает

падать. Капиталистическое хозяйство стремится к максимуму прибыли. В нашей модели максимум достигается, когда в хозяйстве занято два работника. Капиталисту нет смысла нанимать больше. Третий работник только уменьшит прибыль.

А теперь посмотрим на график. *Крестьянское хозяйство с семью работниками на том же гектаре может произвести почти вдвое больше продукта, чем капиталистическое!* Вот вам и эффективное использование ресурсов «эффективными собственниками»!

Ограниченный ресурс очень непродуктивно используется при рыночной экономике. Переход к рыночным отношениям повсюду — и в самих западных странах, и в колониях, — привел к появлению «лишних» людей, которых капиталистическая экономика не могла прокормить. В приведенной нами выше модели таких «лишних» оказывается 5 человек. А ведь эти люди вовсе не паразиты. В крестьянском хозяйстве они честным трудом выращивают свой хлеб. А в рыночной экономике этих «лишних» людей ни на какие налоги с капиталистического производства не прокормишь. Как видно из модели, всей прибыли капиталиста не хватит, чтобы их прокормить.

Некоторые западные философы считали, что это природа ограничивает количество населения. Вот что писал заведующий первой в истории кафедрой политэкономии Мальтус: «Человек, пришедший в занятой уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа посылает ему удалиться и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор» (Мальтус, «Опыт закона о народонаселении», 2-е изд.). Как мы теперь видим, природное ограничение при рыночной экономике далеко не достигается, и «лишние» люди умирают именно из-за самих принципов, на которых построена рыночная экономика.

В марксистской политэкономии делался акцент на эксплуатации. Безработица, конечно, признавалась, но откуда берутся безработные и почему капиталист их не эксплуатирует, было непонятно. С другой стороны, марксистская модель оправдывала это разорение «лишних» людей в рыночной экономике. В этой модели капиталистическая экономика рассматривалась как необходимая ступень общественного прогресса на пути к коммунистическим отношениям. Все издержки, связанные с разорением крестьян, рассматривались именно через призму «необходимого прогресса» общества. Вот что писал молодой В.И. Ленин в 1896-1899 гг.:

«Превращение мелкого производителя в наемного рабочего предполагает потерю им средств производства — земли, орудий труда, мастерской и пр. — т. е. его «обеднение», «разорение». Является воззрение, что это разорение «сокращает покупательную способность населения», «сокращает внутренний рынок» для капитализма ... Такое воззрение совершенно ошибочно, и объяснить его упорное переживание в нашей экономической литературе можно только романтическими предрассудками народничества. Забывают, что «освобождение» одной части производителей от средств производства необходимо предполагает переход этих последних в другие руки, превращение их в капитал; — предполагает, следовательно, что новые владельцы этих средств производства производят в виде товаров те продукты, которые раньше шли на потребление самого производителя, т.е. расширяют внутренний рынок; — что, расширяя свое производство, эти новые владельцы предъявляют спрос рынку на новые орудия, сырые материалы, на средства транспорта и пр., а также и на предметы потребления (обогащение этих новых владельцев естественно предполагает и рост их потребления). Забывают, что для рынка важно вовсе не благосостояние производителя, а наличность у него денежных средств; упадок благосостояния патриархального крестьянина, ведшего ранее преимущественно натуральное хозяйство, вполне совместим с увеличением в его руках количества денежных средств, ибо, чем дальше

разорится такой крестьянин, тем более вынужден он прибегать к продаже своей рабочей силы, тем большую часть своих (хотя бы и более скудных) средств существования он должен приобретать на рынке.» (Ленин В.И., «Развитие капитализма в России»)

Как видно из модели, в этой работе Ленин ошибался. Да, можно отнять гектар у крестьянина и отдать капиталисту, но из этого никак не следует, что «новые владельцы этих средств производства производят в виде товаров те продукты, которые раньше шли на потребление самого производителя». Новые владельцы не производят эти товары. Им невыгодно производить товары для всех, а выгодно производить ровно столько, сколько даст им максимальную прибыль. Крестьянин производит товары потому, что ему нужно кормить своих детей, а капиталисту этого не нужно. И увеличения в руках патриархального крестьянина «количества денежных средств» также не произойдет, поскольку разоренный крестьянин хоть и «вынужден прибегать к продаже своей рабочей силы», но новым хозяевам его рабочая сила не нужна, и они не станут ее покупать.

Но самое интересное, что и на рынке капиталист проигрывал крестьянину. А.В. Чаянов писал на основании исследований: «В России в период начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г. в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам... *Арендные цены, уплачиваемые крестьянами за снимаемую у владельцев пашню, значительно выше той чистой прибыли, которую с этих земель можно получить при капиталистической их эксплуатации.*» И действительно, крестьяне перенаселенных губерний платили арендную плату за землю, в несколько раз превышавшую чистый доход капиталистического земледельческого предприятия. По данным, приведенным Чаяновым, средняя по Воронежской губернии арендная плата за десятину озимого клена составляла 16,8 руб., а чистая доходность одной десятины озимого при экономичном посеве была 5,3 руб. А в Коротоякском уезде средняя арендная плата была 19,4 руб. и превышала чистый доход (2,7 руб.) десятины в семь раз!

Рассмотрим теперь модель, в которой арендуется дополнительный гектар земли.

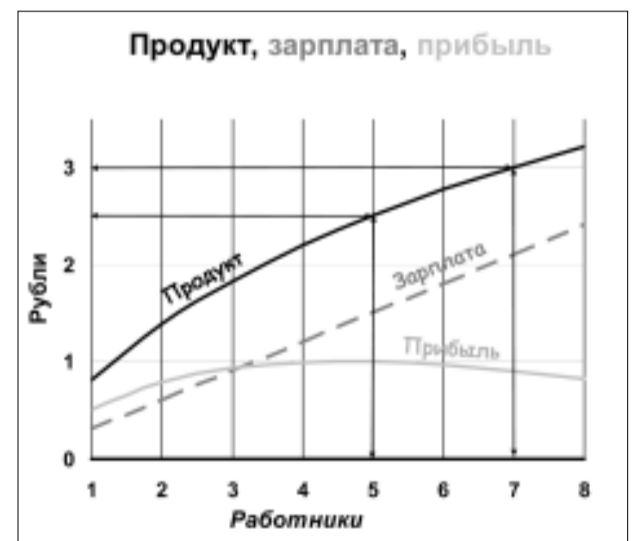

Рис.2 График зависимости произведенного продукта от количества работников на 2 гектарах земли

В новом хозяйстве максимум прибыли принесут 5 работников, так что капиталист наймет еще троих. Крестьянину работников пока хватает, и он нанимать никого не будет. Разрыв в производстве продукта между двумя хозяйствами сокращается. Но крестьянину второй гектар дает прибавку в 0,9 руб. (при тех же трудозатратах прибыль с двух гектаров составит 0,91 руб. вместо 0 руб. на одном гектаре), а капиталисту только 0,51 руб. (1,01 руб. с двух гекта-

ров, вместо 0,5 руб. с одного). Малоземельному крестьянину купить или арендовать второй гектар выгоднее, чем капиталисту. За аренду или покупку этого гектара крестьянин может платить больше. Например, крестьянин может платить за гектар 0,6 руб. в год и все еще получать прибыль в 0,3 руб., а капиталисту платить такую ренту уже невыгодно. Для него она означает убыток в 0,1 руб.

Но откуда возьмутся у крестьянина деньги на аренду гектара, если его семья съедает все, что производит? В дореволюционной России крестьянин брал кредит в банке в размере 100–200 руб. под 6% годовых. Такой кредит был весьма эффективным для государства. Так, в 1910 г. Госбанк списал безнадежных долгов на 194 тыс. рублей, а процентов по ссудам получил более 2,5 млн. руб. Кстати, за кредит капиталист тоже не мог конкурировать: крестьянин платил больший процент.

Но, может быть, капиталист лучше, чем крестьянин, интенсифицировал хозяйство за счет новых технологий?

И тут оказывается, что вовсе нет. Крестьянину технологии, позволяющие увеличить урожай, действительно необходимы. Если технология позволяет удвоить урожай с гектара, то такая ситуация является аналогичной ситуации с арендой второго гектара. Крестьянину такая технология выгоднее, чем капиталисту, и он сможет купить ее раньше. Капиталисту же технология нужна только для получения прибыли, и если есть возможность получить прибыль более простым путем, то капиталист ее и получит более простым путем. Так, в начале XX века капиталисты вовсе не стремились вкладывать свои деньги в новые технологии. Деньги, вырученные от продажи за границей русского хлеба, возвращались в деревню лишь в размере 7%. Еще 17% шло на оборудование и запчасти для промышленности. Зато в парижских кабаках оставалось аж 19% вырученных средств. Дореволюционным капиталистам проще было сдавать землю крестьянам под половину урожая, чем применять новые технологии. И богатели тогда в России вовсе не создатели капиталистических земледельческих предприятий, а те, кто скупал землю и сдавал ее в аренду крестьянам, «те деревенские богатеи, которые до того времени не вели собственного сельского хозяйства и занимались торговлей или мелким ростовщичеством», — писали газеты того времени. А у крестьян, отдававших половину урожая таким ростовщикам, уже не оставалось денег на трактора.

Кроме того, в отличие от деревни, промышленность начала XX века в России была построена на рыночных принципах. Промышленных товаров производилось ровно столько, сколько было нужно для максимизации прибыли. Это приводило к громадному секторному разрыву: промышленность не могла обеспечить деревню необходимыми средствами интенсификации хозяйства. Так, в 1913 г. в России было всего 165 тракторов, а до 1917 г. закупили и завезли 1500 импортных тракторов — российская промышленность их не производила.

В советское время промышленность была реорганизована на некапиталистических принципах. Она стала обеспечивать производство максимального количества продукта, необходимого стране. Государство также вкладывало средства в разработки новых технологий. Это позволило интенсифицировать и сельское хозяйство за счет тракторов, удобрений и другой необходимой продукции. Так, уже в 1932 году отказались от импорта тракторов, и за 10 предвоенных лет их было произведено 700 тыс., что составило 40% от мирового производства тракторов!

И напротив, нынешний наш переход к капиталистической экономике вовсе не привел к росту новых технологий и их применению в производстве и сельском хозяйстве, а привел к их утрате. Сегодня это признали уже и в высших эшелонах власти. Как отметил президент Медведев, бизнес вовсе не мотивирован на создание новых технологий: «Это не только вопрос налоговых стимулов, хотя и это важно и надо это продолжать, но и вопрос психологической установки: не хочется вкладывать деньги в то, что не приносит быстрой отдачи».

Даже трактора, которые позволяли интенсифицировать сельское хозяйство в советское время, оказались «не нужны» новой экономике.

Вот что в 2003 году говорил студентам Новосибирского государственного университета, академик Аганбегян:

«В плановом хозяйстве производилось много продукции, которая не была востребована. Например, мы производили в 7 раз больше тракторов, чем США... Когда перешли к рынку, цена на тракторы резко выросла... в результате производство тракторов сократилось примерно в 20 раз. Такие примеры можно привести и по грузовикам, и по бульдозерам, и по железнодорожным вагонам, и по станкам, и по многому другому. Если столько продукции не нужно, то и выплавлять 146 млн. т стали бессмысленно — с падением платежеспособного спроса производство стали сократилось в 3 раза. Сказанное относится и к зерну. Наша страна производила 120 млн. т зерна и еще докупала. Этого не хватало, считалось, что для скота надо больше кормов... С переходом к рынку, когда за зерно стали спрашивать реальные деньги, выяснилось, что его столько не нужно. В прошлом году урожай был 84,5 млн. т зерна. Это бедствие — на него резко упала цена, вывезено на экспорт 17 млн. т и еще 10 млн. т остались невостребованными. Поэтому переход к рынку — крайне болезненная вещь, связанная с огромным сокращением производства».

Рассмотрев модель Чайнова, мы с вами уже можем правильно понять слова академика. Действительно ли нашему обществу «не нужны» трактора, сталь, грузовики, бульдозеры, железнодорожные вагоны, станки, зерно? Действительно ли они были «лишними»? Вовсе нет! Отказ от «лишних» тракторов и «лишнего» зерна привел к тому, что дети в России перестали получать полноценное питание. Так, в 2006 году начальник центральной военно-врачебной комиссии Минобороны РФ Валерий Куликов заявил в интервью агентству «Интерфакс»: «Из-за дефицита массы тела, или, другими словами, из-за хронического недоедания, получили отсрочки от службы в армии... более 30% новобранцев». Основной причиной «этого позорного явления» в России по его словам стала неспособность семей, особенно в глубинке, обеспечить детей полноценным питанием. Трактора и зерно «не нужны» лишь в том смысле, что не дают максимальную прибыль. Но они были нужны и нужны сейчас нашему обществу для выживания, для обеспечения населения продовольствием и другими необходимыми товарами.

Но почему же на Западе капиталисты создают новые технологии и используют их в производстве товаров? В этой статье мы оставим за скобками культурные причины разработки технологий западными бизнесменами в отличие от наших предпринимателей. Рассмотрим только один фактор — ресурсов — в рамках нашей модели.

Пусть теперь у капиталиста избыток ресурсов. Подобная ситуация складывалась, например, в Америке, когда для обработки огромного континента пришлось завозить негров.

Дадим в нашей модели капиталисту 10 гектаров земли.

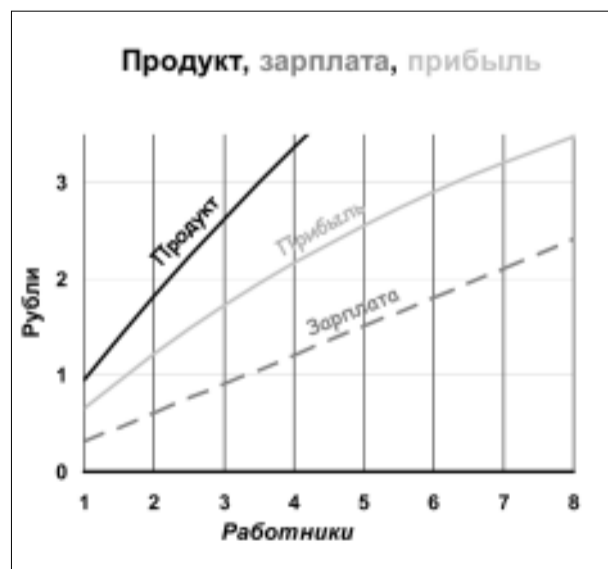

Рис. 3 График зависимости произведенного продукта от количества работников на 10 гектарах земли

Если ресурсы не ограничены, кривая прибыли не имеет максимума и монотонно растет. Поэтому ориентация на прибыль не сдерживает рост производства, и различие в количестве произведенного продукта между капиталисти-

ческим и некапиталистическим хозяйством исчезает. Теперь капиталист будет стремиться к увеличению прибыли за счет снижения себестоимости продукции. Снижению себестоимости продукции в этом случае способствует повышение производительности труда.

Захватив ресурсы всего мира, Запад, и только он, оказался в условиях неограниченных ресурсов. Это стимулировало западных предпринимателей постоянно инвестировать в технологии повышения производительности труда — для получения большей прибыли.

Остальные цивилизации остались в условиях ограниченных ресурсов или, с рыночной точки зрения, с избытком населения. В этих условиях повышение производительности труда необходимо для других целей: обеспечения всему населению приемлемого уровня жизни и безопасности. Именно с этой целью в СССР производились трактора, которые оказались «лишними» в нынешней экономике. Программы индустриализации и зеленых революций в традиционных обществах ведутся государством и носят отчетливо не рыночный, а национальный характер. Их цель — процветание всего народа.

При установке государства на процветание народа оказываются выгодными собственные разработки технологий. Так, например, львиная доля в себестоимости лекарства — это стоимость его разработки. Разработка лекарства от СПИДа стоит 800 миллионов долларов. Рыночная цена его 1000 долларов в месяц. При такой цене лечатся только состоятельные больные — 500 человек. Это 6 миллионов долларов в год. Разработка лекарства при этом окупится минимум за 133 года. Проще закупать импортное лекарство. Если же государство заинтересовано в том, чтобы лечить всех 250 000 больных СПИДом, то выгоднее вложить 800 миллионов долларов в собственную разработку, и она окупится менее, чем за 17 лет при приемлемой для всех больных цене лекарства 8 долларов в месяц.

Впрочем, и на Западе процветание народа — это наиболее важный фактор в развитии технологий. Транзисторы и микросхемы, компьютеры и космос, ядерная энергия и геновая инженерия и множество других передовых технологий США было разработано для Пентагона в рамках военных программ, в университетах на государственные гранты, а также на деньги негосударственных фондов.

Рассмотрев модель Чайнова, мы понимаем, почему западные страны — особенно США — так волнует вопрос ресурсов. И почему они стремятся контролировать ресурсы всего мира. Неэффективно используя ресурсы, капитализм для своего роста нуждается в их избытке, и поэтому стремится к их захвату у других, к постоянной экспансии. С самого своего зарождения капитализм стремился к захвату колоний. По выражению антрополога К. Леви-Стросса, «Запад построил себя из материала колоний».

Почти через 20 лет после своей книги «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин понял это и описал в своей другой работе «Империализм как высшая стадия развития капитализма» (1916г.). Он писал: «Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во все мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний».

«Недостаток сырья», как мы видим, при капитализме является свойством системы, а не реальной нехваткой ресурсов. Как видно из модели, хозяйство, построенное на некапиталистических принципах, позволяет прокормить большее количество населения. Мы также видим, что рыночная экономика сама по себе вовсе не ведет к созданию и внедрению новых технологий. Напротив, ее введение может способствовать утрате технологий.

Для дальнейшей экспансии капитализма начинает не хватать всех ресурсов Земли. Фундаменталисты рынка требуют ограничить население планеты «Золотым миллиардом». Мы считаем, что разумнее отказаться от экономической теории, основанной на мифе о неограниченности ресурсов, и руководствоваться более реалистичными моделями в построении нерыночных систем хозяйствования, в которых найдется место всем.

Специально для газеты «Точка Ру»

www.orossii.ru

Игорь Бощенко

Разглядеть за экономическими деревьями лес

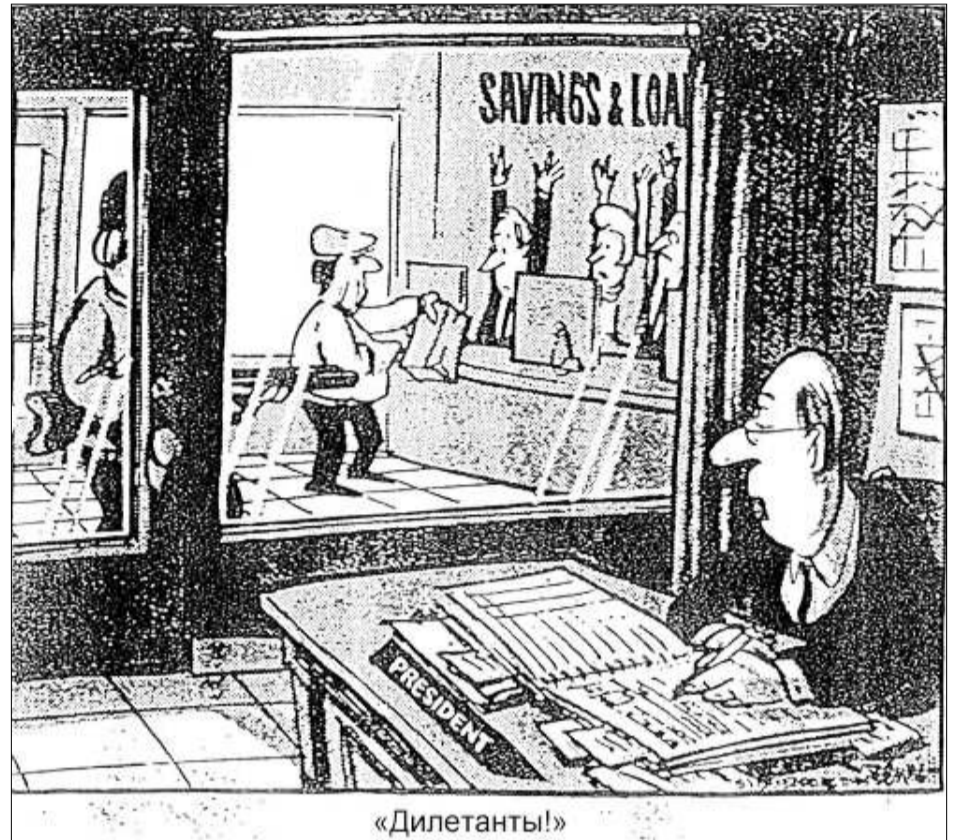
Разразившийся мировой экономический кризис вызвал множество высказываний и комментариев, которые в разной мере детальности и достоверности описывают происходящие экономические процессы. Существует большое количество объяснений происходящего, при этом каждый из авторов будучи так или иначе ближе к одной из экономических областей пытается объяснить все процессы в преломлении близкой ему области. Это напоминает, как несколько слепых описывали слона, один потрогав хобот сказал, что он длинный и гибкий как змея, другой потрогав ногу сказал, что слон подобен каменной колонне, а третий, дотянувшись до хвоста, сказал, что он тонкий и скользкий с кисточкой на конце. Все трое были абсолютно правы, но по их описаниям невозможно создать целостное представление об описываемом ими объекте. То же само происходит и с описанием кризиса, разные эксперты дают своё описание, а публика по совокупности этих высказываний пытается понять, «какой он этот мировой экономический кризис?»

Попытаться собрать всё воедино и сформировать общее представление о кризисе, собственно и является целью данного доклада.

Первое, что следует хорошо понимать, что мировой экономический кризис возник не вдруг, предпосылки для него возникли задолго до последних месяцев и лет. Разные исследователи называют разные сроки, кто-то, кто находится «в лесу» говорит про ошибки администрации Буша и Клинтона, кто-то, кто вышел на опушку, говорит об ошибках заложенных «рейганомикой» в 80-х годах прошлого века. Но если отойти на реально значимое расстояние, то станет очевидно, что корни нынешний мегакризис берёт во времена реформации в 16-м веке, именно тогда был снят религиозный запрет на ссудный процент. Именно тогда зародилась современная банковская система базирующаяся на кредитных операциях. Банковский кредит дал колоссальный толчок развитию торговли и промышленности, а вместе с тем и развитию социума.

Базовым принципом кредитной экономики является постулат расширения производства, т.е. постоянно имеется рост как материального, так и номинального выражения экономики. Т.е. количество материальных ценностей постоянно растёт, появляются новые товары и услуги, наш мир наполняется вещами. В условиях нарастающего избытка кредит, а фактически ссудный процент, работают вполне неплохо, т.к. стимулируют рост. Заемщик берет сумму меньшую, чем должен вернуть, соответственно он должен произвести товаров или работ на большую сумму, реализовав их на товарном рынке, в т.ч. и рынке труда. Всё замечательно работает, и так было на заре капитализма. Но запущенные кредитные механизмы в разных странах привели к тому, что сформировалось несколько экономических центров конкурирующих за внешние по отношению к ним ресурсы, это и ресурсы и рынки сбыта. Собственно столкновения разных экономических центров и привели к первым колониальным войнам между метрополиями. К началу 20-го века таких центров стало заметно

меньше, всего пять, в 19-м веке более слабые экономические центры были поглощены более сильными. И так была Великобритания, Германия, Франция, США и Россия. Противоречия между этими центрами привели к первой, а затем и второй мировой войне. По результатам этих войн осталось два центра, США и СССР. Мир был поделен на две основные сферы влияния, но ссудный процент побуждает к постоянному расширению и до 70-х годов 20-го века США утилизируют рынки бывших экономических центров Англии, Франции, Германии. Это осуществлялось, через вовлечение в зону обращения доллара, а также в систему разделения труда, через механизмы общего рынка. СССР создал свою зону «стран народной демократии» и развивающихся стран, в которой оборачивались средства «стран СЭВ» (Страны Экономической Взаимопомощи). Борьба за влияние на периферии своих зон влияния привели к началу «холодной войны». В основе этой войны, впрочем, как и предыдущих, были не идеологические разногласия, а борьба за сферы влияния. К концу 80-х годов сфера роста западной экономики базирующейся на ссудном проценте подошла к пределу своего роста, т.к. прямое военное расширение из-за ядерного сдерживания было невозможно, то начались кризисные явления, которые выразились в кризисе 1991-го года ... в США. Дело в том, что дефицит бюджета и угрожающие финансовые показатели привели в 1991-м году к массовым беспорядкам в США и вся система базирующаяся на ссудном проценте была на грани краха. Но судьба преподнесла подарок, второй центр рухнул «сам собой», высвободив огромное экономическое пространство, пригодное для освоения долларовой системой. Этого пирса хватило ровно на 10 лет, и вновь, когда система ограничилась в росте, начались кризисные процессы и обвал фондовых рынков в марте 2001-го. Вновь замаячила угроза глобального кризиса системы базирующейся на ссудном проценте, в это время существовало ещё несколько зон, которые мешали расширению долларовой зоны, это Ирак и Афганистан, Иракский лидер договорился до того, что отказывался продавать нефть за доллары, таким образом, сужая экономическое пространство обращения доллара не только у себя, но и у импортеров его нефти. Наказание последовало в марте 2003, другим поддерживающим фактором для США стало открытие больших рынков дешевой рабочей силы в Китае, Индии, Индонезии. Но и этот ресурс оказался конечным. Моноэкономическая система, базирующаяся на ссудном проценте охватила всю планету Земля. Система подошла к физическому пределу своего роста. Это значит, что экспансия и расширение воспроизводства более уже не возможно, как бы кто-то не старался, но придёт банкротить тех, кто не обеспечивает самой высокой прибыли. Но если кого-то банкротят, то люди работающие в этом экономическом субъекте, теряют доходы и это приводит к сокращению совокупного платёжного спроса, что в свою очередь приводит к тому, что ещё новые экономические субъекты становятся дефолтными, не могущими

выполнить свои обязательства по кредитам и займам. Банкротство таких субъектов вновь сокращает совокупный платежеспособный спрос и так по спирали, при этом процесс носит волнообразный характер. После банкротств одной волны, наступает временное улучшение из-за перераспределения рыночной доли обанкротившихся, но очень быстро, из-за сужения самого рынка всё повторяется вновь и с нарастающей амплитудой. Процесс длится до тех пор пока система не придёт в равновесное состояние, а уровень этот может быть достаточно низок, либо не будет отменен ссудный процент. Доведение ставок рефинансирования в развитых странах Запада практически до нуля это и есть как раз способ не отменяя ссудный процент существенно ограничить его влияние. Установленные ЦБ РФ ставки рефинансирования в 13% выглядят как полный абсурд и непонимание экономических реалий.

Сейчас мир оказался в ситуации для которой вполне подошла бы аналогия космического корабля, на котором вода является денежной единицей. Космонавт получает 100 грамм воды, но обязуется вернуть 110 грамм. Совершенно очевидно, что это приведёт к формированию пузыря «капитала» т.е. воды, у того кто выдаёт воду в рост. При этом отказаться от воды и раздать её другим членам экипажа, это значит отказаться от своей власти в части распределения ресурсов и благ, если начать генерировать воду из ничего (эмиссия) то пузырь будет ещё больше надуваться, а применение ресурса всё равно ограничено этим космическим кораблём. Собственно ровно это мы и наблюдаем в мировой экономике, разными механизмами надул колоссальный «пузырь» капитала оцениваемый в 980 трлн. долларов, при этом емкость рынка применения капитала составляет всего 68 трлн. долларов. Сложилась парадоксальная ситуация, капитал есть, а приложить его некуда, есть колоссальный переизбыток средств у некоторых экономических субъектов, но другие мучаются от жажды безденежья. Печатаение новых денег,

которые раздаются практически беспроцентно на время облегчает симптомы, но усугубляет проблему.

Выход из этой ситуации всего один и этот выход может не понравится тем, кто выстроил все свои системы под работу на основе ссудного процента. Но альтернатива, упадок цивилизации и впадение в новые «тёмные века».

Выход прост и он был опробован плановой экономикой, в которой также существовал кредит и процент, но принципиально отличалась форма присвоения кредитного процента. В плановой экономике возможно установление кредитного процента равного скорости роста совокупной экономики, а полученные от процента средства направляются не в частное потребление, а в общественное. Возвращаясь к космическому кораблю, получается, что некий распределитель воды переплачивает (дотирует) экипаж на 10 граммов воды, полученной в качестве процента, при этом дотирование важных и опасных работ больше, чем менее важных. Таким образом, регулятор осуществляет плановое управление направленное на развитие всей совокупности космического корабля.

Собственно новое экономическое мироустройство должно быть подобно такому «космическому кораблю» с «Госпланом» распределителем, когда доходы от ссудного процента национализированы и направляются на необходимые социуму работы, повышая тем самым их доходность. Возможен, конечно, полный или частичный отказ от ссудного процента, как законодательный запрет, так и установление сверхнизких ставок по нему, как в Японии. Но это угнетающе действует на развитие. Таким образом, национализация банковской сферы, а точнее доходов от ссудного процента является неизбежным решением. При этом государство вполне может отказаться от многих прямых налогов, покрыв потери как раз от доходов по ссудному проценту. Ссудный процент должен иметь общественную форму присвоения и общественную форму распределения.

Сергей Черняховский

Учеба по совместительству

Президент Медведев на встрече со студентами озвучил тезисы, которые не могут не вызвать изумления. Отвечая на просьбу одной из собеседниц оказать помощь ее знакомому студенту, он ответил, что всех обеспечить грантами государство не сможет (ну, допустим), но следом заявил, что ничего зазорного для студента нет в том, чтобы самому заработать деньги. И с гордостью вспомнил, что в дни своей молодости подрабатывал дворником.

Вот формально, казалось бы, верно — ничего зазорного в том, чтобы, учась в университете, подрабатывать, пусть даже и дворником, нет. И в постсоветской России, и в советское время, даже в период его наибольшего благополучия, большинство студентов подрабатывали. На киносьемках, в стройотрядах, на разгрузке вагонов — и на прочих работах этого рода.

Зазорного, действительно, ничего нет. Но дело в том, считать ли это вынужденной мерой — или считать нормой. Равно как и в том, на что пришлось подрабатывать студенту в советский период и на что — в постсоветский.

То есть одно дело, если ситуация вынужденная, если мы признаем, что вообще-то студент должен иметь возможность учиться и не работать — но вот, война, разруха — и никуда не денешься, приходится подрабатывать. И другое дело, если изначально предполагается, что студент сам должен добывать себе средства на жизнь.

Точно так же, одно дело, когда общество и государство обеспечивают студенту (успевающему, разумеется) — минимальный уровень обеспечения, на который можно прожить, но если он хочет лучше одеваться и иметь деньги на досуг — он идет подрабатывать. И другое дело, если государство предлагает студенту обеспечение, на которое в принципе прожить нельзя. И подрабатывать нужно для того, чтобы просто иметь возможность жить, и, скажем, платить за обучение.

Если на то пошло, Медведеву студенты уже не в первый раз жалуются на низкий уровень стипендий. Медведев и раньше вместо помощи ссылался на то, что и в советское время прожить на стипендию студент не мог и вынужден был подрабатывать. Но это либо свидетельство плохой памяти, либо откровенное лукавство и нечестность. Бесспорно, и в советское время стипендия обеспечивала лишь самый минимальный уровень потребления студента — но она его обеспечивала. Стипендия студента в «отреформированной России» не обеспечивает просто самых необходимых потребностей.

Стипендия студента в СССР в 70-80-е годы была в границах 30-45 рублей. Выведем за скобки высшую — Ленинскую, которая доходила до 70 рублей. Но обычная, в 30-45 рублей (соответственно, обычная и повышенная) была доступна для каждого — нужно было только успешно учиться.

Можно спорить о том, сколько именно современных обесцененных рублей РФ адекватны полновесному «брежневскому рублю». Но в любом случае этот спор ограничивается цифрами от 150 до 200 рублей.

Таким образом, в пересчете на сегодняшние цифры, 30-рублевая стипендия равняется сумме, лежащей в пределах от 4 500 до 6 000 рублей. И 45-рублевая — от 6 750 до 9 000 рублей. Сегодняшняя российская стипендия в последнее время была 1 100 рублей (базовая) и 1 650 рублей (повышенная).

То есть, на «советскую» стипендию студент прожить мог, но подрабатывал, чтобы иметь возможность купить новый костюм, сходить в кафе, купить цветы, пластинки, фотоаппарат — ну и так далее. Еще можно добавить, что в 60-е годы в ряде студенческих столовых хлеб (и горчица) были бесплатными — поэтому не умереть с голоду можно было и в крайнем случае, когда стипендия заканчивалась. На современную российскую стипендию невозможно прожить в

принципе.

Советский студент мог подрабатывать — но мог и не подрабатывать, это зависело от того, чем он готов был обойтись. Российский студент в принципе не может не подрабатывать.

Советскому студенту еще можно было адресовать слова: «Вообще-то не зазорно студенту и подработать». Адресовать их современному российскому студенту — лицемерие и аморальность, потому что у него нет другого выхода.

То есть в данном контексте высказывания Медведева — это не просто совет подработать в случае, если на некое излишество студенту не хватает стипендии — это нечто вроде фразы Марии-Антуанетты: «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные». Получается, президент в принципе считает, что государство не обязано обеспечивать для студента уровень стипендий, который допускал бы возможность обходиться без работы при обучении на дневном отделении. То есть он считает, что так и должно быть: тот, кто хочет получить высшее образование, должен совмещать работу с учебой. Либо — по определению быть выходцем из семьи с высоким доходом. В таком случае обучение с отрывом от производства — то есть наиболее полноценное обучение — признается привилегией имущих слоев общества.

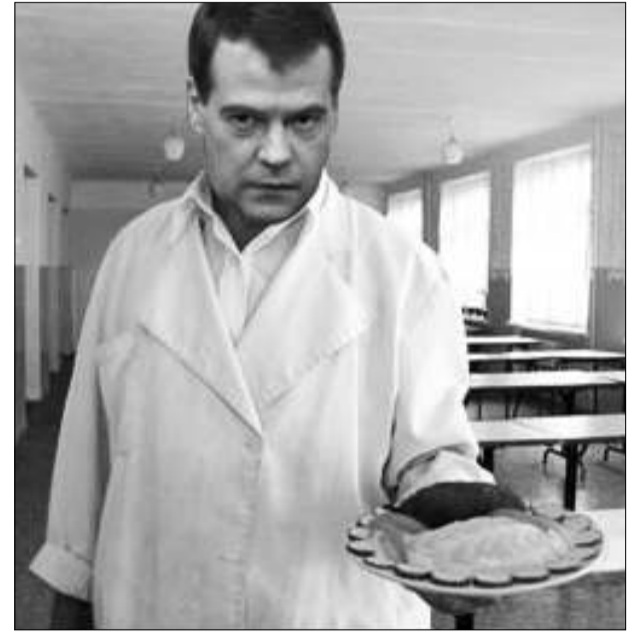
Для остальных же по факту признается лишь право на учебу без отрыва от производства, что в советское время называлось вечерними и заочными формами обучения. Разница лишь в том, что при обучении на вечернем отделении советский студент пользовался рядом существенных льгот: он имел право на работе быть задействованным лишь во время, не препятствующее учебе, имел право на ежегодный отпуск во внеучебное время, имел право на оплачиваемый отпуск в период сессии.

Формально нечто похожее сохраняется и за сегодняшним вечерником — с той разницей, что в большинстве случаев работодатель старается не реализовывать всех подобных прав своего сотрудника-студента, а последний — боится настаивать на своих правах, опасаясь потерять место.

Реально же вынуждены работать и студенты очной формы — то есть те, кто по определению работать не должен. Но они, в отличие от вечерников, вообще не имеют подобных льгот. Их программа обучения более развернута по сравнению с вечерней формой (на последней отсутствуют многие предметы), они в среднем имеют 6 часов аудиторных занятий в день. При этом они должны по идее столько же тратить на подготовку к занятиям: предполагается, что половину времени они занимаются в аудитории, половину — работают самостоятельно, в том числе значительную часть времени — в библиотеке.

То есть студент, грубо говоря, должен посвящать учебе примерно 50 часов в неделю: утро и день — в вузе, вечер и один из выходных дней — в библиотеке. Если в довершение к этому он работает, то либо не ходит на занятия — что наиболее вероятно, потому что в большинстве случаев люди требуются на работе в дневное время, либо не работает самостоятельно, то есть не посещает библиотеку и не готовится к семинарам и лабораторным работам, либо работает ночью, то есть приходит после бессонной ночи на лекции, на которых ничего не воспринимает. Либо же он работает в единственный остающийся выходной день, то есть тоже не восстанавливает свои силы после напряженной недели — и на следующей неделе занимается с подавленной и пониженной работоспособностью. Причем, в отличие от вечерника, никаких льгот на работе не имеет ни в плане режима занятости, ни в плане отпуска на сессию, ни в плане отпуска во внеучебное время.

Поэтому на самом деле уровень студентов вузов сегодня на порядок ниже того, какой они имели двадцать пять лет назад: сегодняшний отличник в среднем соответствует уровню троеч-

ника 70-80-х гг. Одновременно платные вузы боялись ставить двойки неуспевающим, чтобы не лишиться приносимых ими денег, а в бюджетных факультетах боялись ставить двойки, чтобы не выглядеть хуже в рамках своего вуза по показателям учебы.

Медведев, судя по всему, именно такое положение вещей считает нормальным и подлежащим сохранению. По его мнению, не государство и общество должны брать на себя обязанность по обеспечению полноценной учебы студентов как новых специалистов — а сами студенты должны обеспечивать свое пропитание во время учебы.

Но это по определению неверно и нелепо — и даже не с той точки зрения, что просто несправедливо, и даже не с той, что в социальном государстве право на образование должно быть экономически гарантировано.

Образование — это производство. Производство рабочей силы общества, его интеллектуального и кадрового потенциала. Первично не то, что человек хочет получить образование, чтобы обеспечить свой статус, карьеру и материальное благополучие — как раз последнего, в сегодняшней России, образование не обеспечивает.

Первично то, что обществу — и, соответственно, государству нужно, чтобы в стране производилась квалифицированная рабочая сила, интеллектуальный и кадровый потенциал. Последнее — залог его полноценного развития, силы и процветания — в частности, его конкурентоспособности на международной арене. Если так — нести расходы на полноценное обучение граждан должно именно государство. А не гражданин, который при необходимости может как раз без образования обойтись: подручный рабочий в сфере услуг имеет сегодня зарплату больше, чем ученый, а шофер в любой фирме средней руки — больше, чем в среднем доцент вуза.

Пока, судя по тому, что заявил Медведев, он считает, что специалисты с высшим образованием нужны не государству и не России, а образование это некая личная прихоть студентов. Стране оно не нужно. И поэтому нынешний президент предлагает студентам самим подумать о том, чтобы зарабатывать себе на жизнь. То есть — учиться без отрыва от производства. То есть — всем перейти на нечто вроде вечерней формы обучения, но только без льгот, сопутствовавших этой форме в советское время.

А учиться так, чтобы действительно всего себя посвящать учебе, — по его мнению, это только для имущих.

Словом, опять: «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные».

www.apn.ru

По всем вопросам связанным с реализацией, рассылкой, доставкой, подпиской газеты звоните по тел. редакции 8 922 903 3776

Газета
«Точка Ру»

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соб-

людием законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26364 от 30 ноября

2006 года. Учредитель ООО «Точка Ру» Гл. редактор Шабунин Е.В. Адрес редакции 610002, Кировская обл., г. Киров, ул. Урицкого, д. 36/1т. 8(922) 903-37-76

Цена свободная. Издаётся с марта 2007 года. выпуск № (5)29 Печать офсетная. Объем 2 печатных листа. Тираж 2000

Заказ №239 Подписано к печати по графику 26.06.2009 в 17.00 по факту 26.06.2009 в 17.00 Отпечатано ООО «ФОР» г. Киров ул. Щорса, д. 64 тел. 503-660, 504-506

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов. Факт отправления статьи в редакцию считается добровольным согласием автора на публикацию статьи.

Информацию по подписке и распространению можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru, а также написать письмо на redaktor@rossii.ru